

Богословские труды. Юбилейный сборник Ленинградской Духовной Академии

КИРИЛЛ,
архиепископ Выборгский *

БОГОСЛОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

в Петербурге —

Петрограде —

Ленинграде:

ТРАДИЦИЯ И ПОИСК

I

Господь наш Иисус Христос заповедал ученикам Своим, бывшим свидетелями Его воскресения, «идти и научить все народы» (Мф. 28, 19). Таким образом, Церковь Христова уже при своем историческом зарождении была поставлена перед необходимостью учительства. В свою очередь, последнее имело содержанием Евангелие, или, как мы бы сейчас сказали, строилось на библейской основе. Это к вопросу об источнике интересующей нас традиции.

Что же касается поиска, то наличие многих народов с их различиями в историческом и культурном развитии ставило уже перед святыми апостолами, а учитывая универсальный характер этой заповеди, продолжает ставить и перед их последователями вопрос о поиске путей наиболее адекватного свидетельства истины Христовой в конкретных исторических и культурных условиях.

Отсюда следует сделать вывод, что проблема сочетания неизменного в своей основе Предания с поиском путей его выражения в меняющемся мире не является для православной богословской школы новейшего времени чем-то новым. Более того, она окажется достаточно традиционной, если мы, пусть даже в самых общих чертах, рассмотрим историю богословского образования в патристический период.

Первый век и большая часть II в. не знают наличия специальных богословских школ. Небольшие порой, но сплоченные церковные общины, разбросанные по всему греко-римскому миру и даже за его пределами, являли собой своеобразные рассадники христианского образования, где уверовавшие во Христа получали под руководством святых апостолов, а впоследствии их учеников, наставления в истинах веры и

* Ныне — архиепископ Смоленский и Вяземский.

жизни¹. При этом условия церковного бытия во многом определяли направленность этого учительства. Апостолам и их ближайшим по времени ученикам приходилось вести борьбу с различными ересями, носившими характер лжеиудейского гнозиса. Дальнейшим их последователям, кроме того, пришлось вступить в полемику с представителями языческой мудрости, что также не прошло бесследно для характера церковного учительства².

Конец II в. явился весьма знаменательным для истории богословского образования. Численный рост церковных общин, с одной стороны, и усиление антигностической и антиязыческой полемики — с другой, привели к появлению особых богословских школ, первой из которых известна Александрийская³. Школа эта была прежде всего катехизаторской, имея своей главной целью научение приходящих в Церковь истинам христианской веры. Однако тот фактор, что Александрия являлась одним из крупнейших тогдашних центров эллинской культуры и многие из слушателей школы имели неплохую философскую подготовку, ставил перед ее знаменитыми учителями Пантенном и Климентом задачу христианско-культурного синтеза. Богословская мысль призывалась дать ответ на вопрошания философствующего ума⁴.

Эта задача, имевшая большое значение для всего последующего развития христианского богословия в целом, ставила еще одну, также оказавшуюся исторически перспективной, проблему — изучение источников вероучения с точки зрения как их содержания, так и текстологии. Начало научной экзегетике и церковной библеистике положил преемник Климента Александрийского по школе — Ориген (182—251)⁵. Ему же принадлежит следующая попытка систематического и цельного изложения основных истин христианского учения⁶.

В последующее время на православном Востоке христианско-культурный синтез, достигнутый в Александрийской школе на рубеже II—III вв., имел свое плодотворное продолжение в области богословского образования. Достаточно вспомнить афинское обучение великих каппадокийцев или занятия Златоуста риторикой у Ливания. Все это послужило им потом в их свидетельстве христианской веры и жизни. Позднее, уже в IX в., образование, которое получил просветитель славян св. Кирилл-Константин в школе св. Фотия, также сохраняло синтетический характер⁷.

Если же мы возьмем научную значимость двух крупнейших богословских школ Древнего Востока — Александрийской и Антиохийской, то она, в первую очередь, выражалась в их библеистико-экзегетической направленности. Выработанные там методы толкования Священного Писания и проводившаяся работа по унификации его текста в немалой степени кладут основание той работе, которая продолжается в современной библеистике. Но, главное, их опыт служит примером того, что основное внимание богословствующей мысли должно сосредоточиваться на источниках вероучения.

Интересно отметить, что две указанные крупнейшие восточные богословские школы разнились не только в выработанных ими методах экзегезиса, но и в существовавших там характерах воспитания. Если Александрийская школа, возникшая как катехизаторская, вплоть до своего упадка в V в., сохраняла открытый характер, то Антиохийская рано стала принимать черты замкнутой корпорации со строгим внутренним

укладом, что давало основание называть ее в IV в. *ασκητηριον*. По-видимому, определенное влияние здесь оказало распространение на Востоке монашества⁸.

На христианском Западе II—V века также ознаменовались и развитием богословской мысли, и успешным достижением христианско-культурного синтеза, и углубленным изучением источников вероучения, и распространением духовного просвещения. Триадологическая терминология Тертуллиана и христианская философия Августина, пастырская ревность Амвросия, библейские изучения Иеронима и ортодоксия Викентия Лирийского — таковы веи патристического периода на латинском Западе. Исторически сложилось так, что в дальнейшем внешние условия распространения и укрепления систематического богословского образования там оказались куда более благоприятными, чем на Востоке. Однако направление богословской мысли латинского Запада довольно рано претерпело изменения, которые качественным образом повлияли и на характер западной школы. На смену эпохе патристики шел долгий период схоластики⁹.

Характеризуя это явление, следует указать, что богословская мысль теперь как бы удалялась от источников вероучения, а школа как бы вырывалась из контекста Предания. Что же произошло? Священное Писание вроде бы продолжали изучать, а святых отцов и учителей Церкви не только почитали, но и расцвечивали обилием цитат из их творений богословские трактаты. Между тем, происходила подмена авторитетов. Удобные для дискурсивного мышления доктринальные концепции стали теперь претендовать едва ли не на некую универсальность. Сквозь их призму изучалось Священное Писание. Библейские тексты использовались для их авторитетного обоснования. То же касалось и святых отцов, мысли которых подбирались и использовались так, чтобы поставить эти концепции как бы на фундамент традиции¹⁰. Можно привести не один пример таких превращений. Достаточно вспомнить учение об искуплении как об «удовлетворении правде Божией», восходящее к Ансельму Кентерберийскому. А ведь оно имело долгое время непрекаемую авторитетность не только на католическом Западе...

Этот небольшой исторический экскурс понадобился нам для того, чтобы лучше понять судьбы нашей русской богословской мысли, церковной науки и духовной школы.

Со времени принятия святым князем Владимиром христианства в качестве государственной религии Руси предпринимаются попытки ввести в нашей стране просвещение, что включало в себя и элемент богословского образования — как в целях лучшего научения новообращенных христиан истинам веры, так и в целях теоретической подготовки отечественного духовенства. Неудачи школ, устроенных тогда в Киеве и Новгороде, принято объяснять тем, что в основе их организации лежал византийский образец, т. е. это были частные школы. Между тем, едва ли у всех представителей «нарочитой чади», детей которых там обучали, было четкое сознание необходимости получения образования¹¹. Но все же просвещение распространялось. Появлялись учителя, образовывались целые книжные центры — каким была, например, устроенная Ярославом Мудрым библиотека при Софийском соборе в Киеве. Россия входила в кирилло-мефодиевское наследие. А это означало, что здесь не только переписывали церковнославянские тексты Священ-

ного Писания и творений святых отцов, богослужебных последований и канонических сборников, но и стремились развивать свое церковно-учительское творчество в русле воспринятой традиции. Характеристика «муж книжен», «учителен», «философ» в отношении представителя русского духовенства XI—XIII вв. звучала как констатация его высокой добродетели¹².

Хотя первые пять веков своей христианизации Россия имела не так уж мало замечательных церковных писателей, хотя в ее культурном развитии произошел элементарный прогресс, все же отсутствие организованной системы богословского образования давало себя знать самым отрицательным образом. Нужда в духовенстве возрастала; между тем образование большинства кандидатов священства не простиралось дальше элементарной грамотности¹³.

Русские школы появляются теперь только в конце XVI и начале XVII в., и то не в пределах Московского государства, а в находившейся тогда под польским владычеством Малой России. Их возникновение вызвано во многом стремлением православных противостать католической экспансии в связи с насаждением Брестской унии 1596 г. Кругом было немало польских латинских школ, так что в заведении своей, «славено-елленской», не было ничего странного и удивительного. Такую школу создает в Остроге князь Константин Константинович, надеявшийся со временем превратить свой «трехязычный лицей» в подлинную Академию, как бы в противовес униатской коллегии св. Афанасия в Риме. Позднее во Львове организуется школа знаменитым архиепископом Эллассонским Арсением (впоследствии Суздальский). К латинской схоластической науке здесь пока относятся очень настороженно, как к чуждым «софистиям»¹⁴. Однако историческая ситуация складывается так, что вскоре она заняла в русской богословской школе господствующее положение.

Бедственное состояние Церкви на Востоке во времена турецкого владычества привело к определенному упадку там богословского образования. В XVII в. уже стало обычаем для многих греческих и западнорусских богословов обучаться в школах католического Запада; там же, главным образом в Венеции, печаталась и грекоязычная литература. Оставаясь по своим церковным убеждениям православными, они между тем вполне перенимали как методы схоластической науки, так и отдельные воззрения, не противоречащие прямо православному вероучению.

Открытая же в 1635 г. митрополитом Киевским Петром Могилой Коллегия была типичной латинской школой, повторявшей и в своей структуре, и в предметах преподавания, и в методах обучения, и в самих пособиях аналогичные польские школы¹⁵.

В Москве идея создания школы, курс которой простирался бы от грамматики «даже до богословии», появляется только в 1680 г. Изддесь, по-видимому, не обошлось без западнорусского влияния. Проект новоучреждаемой Славяно-греко-латинской академии разрабатывал Симеон Полоцкий. Впрочем, открылась она только в 1687 г., когда ее возглавили греки братья Софроний и Иоанникий Лихуды. Хотя обучение велось здесь по-гречески, но по обычному тогда схоластическому типу. Была пройдена риторика и философия, до богословия братья не продержались, и школа на время запустела¹⁶.

Последнее событие пришлось как раз на период петровских преоб-

разований. В привязанности великорусского духовенства к «старине», что нередко приводило его представителей в оппозицию к реформе, Петр видел «невежество», борьбу с которым, помимо прочих мер, следовало вести организацией систематического образования. Призванные тогда на высшие церковные должности образованные малороссы, как правило, питомцы Киевской Коллегии, из коих некоторые обучались также в учебных заведениях католического Запада, стали заводить школы. Сначала они были сословные, как например, в Ростове, заведенная святителем Димитрием († 1709), или же открытая, вследствие «высочайшего повеления», в Петербурге при Александро-Невском монастыре в 1721 г. архиепископом Новгородским Феодосием Яновским. Но позднее, в связи с усилением сословной замкнутости русского духовенства, школы при архиерейских домах также стали носить сословный характер¹⁷.

«Духовный регламент» Петра I, составленный Феофаном Прокоповичем, предписывал заводить при архиерейских кафедрах школы для подготовки духовенства — семинарии и даже академии¹⁸.

«Училищным домам» посвящена целая глава этого документа, извращавшего церковный строй и духовную жизнь народа в угоду интересам абсолютизма. В отношении предметов и системы преподавания там не встретим существенных новшеств. Протестантская схоластика, которая на смену католической насаждалась Феофаном, в своей методике отражена там достаточным образом. Внимания заслуживают методы воспитания, вводимые в русскую духовную школу «Регламентом». Заимствованные с чужих образцов, они в то же время отражают в себе реальность полицейского государства, в которое превращалась петровская Россия. Неусыпный инспекторский надзор и фискальство фактически противопоставлены там духовному руководству и отеческо-сыновним отношениям пусть даже самой строгой богословской школы христианско-восточной древности.

Русская духовная школа XVIII—XX вв., не сумев до конца избавиться от «петровского пленения», все же внутренне во многом преодолела указанные установки, вернувшись в лучшие свои периоды в традиционное русло, проделав для этого необходимый духовный поиск. Это сказалось уже в XVIII в. Для русской церковной истории и истории русской богословской мысли это весьма интересный период, прежде всего парадоксальностью своих результатов.

Гонение Петра I на монашество и секуляризационные меры Екатерины II (не только в экономическом, но и в идеологическом плане) в конечном итоге не достигли своей цели. В России возрождается монастырское старчество, развивается аскетическая литература и их влияние на церковную общественность становится немаловажным фактором роста ее самосознания. Что касается русской богословской школы и церковной науки, то XVIII в. для них тоже не прошел бесследно.

С одной стороны, у нас появились настоящие церковные ученые. Можно назвать видного знатока греческого и восточных языков Симона Тодорского (умер в 1754 г. архиепископом Псковским). В свою очередь, его ученики Иаков Блонницкий и Варлаам Ляшевский вместе с Гедеоном Слонимским занимались «библейской справой», подготовив издание славянской (Елизаветинской) Библии 1751 г.¹⁹. Но, с другой стороны, в положении богословского образования было немало печального. Прежде всего латынь, на которой велось преподавание бывшими киевскими

школярами, да и сами «богословские системы», которые на ней предлагались, не отвечали реальным потребностям русской церковной жизни²⁰.

Но в то же время, касаясь русской богословской школы XVIII в., следовало бы особо упомянуть два имени, поскольку они имеют как историческое, так и до некоторой степени генетическое отношение к богословской школе города на Неве.

Сначала укажем на митрополита Новгородского Иова († 1716). В начале XVIII в. он создал в Новгороде «славяно-еллинскую» школу, куда и пригласил братьев Лихудов. Он был горячим сторонником духовного образования, но считал, что последнее должно отвечать реальным церковным нуждам и быть (насколько это тогда было возможным) традиционно православным²¹. Правда, в дальнейшем, при преемниках митрополита Иова, эта школа латинизировалась и перестроилась к восприятию веяний с протестантского Запада²².

Другой яркой фигурой русской церковной истории XVIII в., интересной для нас, является митрополит Московский Платон (1737—1812). Его любимое детище — Троицкая семинария — оказалась генетически связанной с двумя ведущими русскими богословскими школами XIX—XX столетий — Петербургской и Московской духовными академиями. В платоновской школе «у Троицы» читали и переводили отцов, и не только с латыни, но и с греческого. Изучению этого языка уделялось особое внимание. Там же стал изучаться и еврейский язык. Это имело значение для всего богословского образования в России. С 1798 г. преподавание этих языков в семинариях становится обязательным. Примечательна и атмосфера, царившая в Троицкой школе. Само ее нахождение вдали от суеты города, в общенациональном духовном центре, хранящем предания церковной старины, в сочетании с отеческим отношением митрополита Платона, исполненным простоты и сердечности, — все это создало «ученое дружество», из которого возросла славная плеяда деятелей русского богословского образования, ознаменовавшая его качественный поворот в XIX в.²³. Первые три ректора Петербургской Духовной Академии — архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов), архимандрит Сергей (Крылов-Платонов) и архимандрит (с 1817 г. в сане епископа Ревельского) Филарет (Дроздов) — были питомцами Троицкой семинарии. Это было явным свидетельством преимущества и перспективности нового направления в церковной науке и богословском образовании.

II

Реформы начала XIX в. самым непосредственным образом затронули и систему подготовки русского духовенства. Последняя требовала коренного улучшения как в плане материального обеспечения, так и в плане пересмотра всего учебного процесса. У истоков реформы русской духовной школы стояли виднейшие церковные деятели того времени: митрополит Новгородский и С.-Петербургский Амвросий (Подобедов), Евгений (Болховитинов), тогда епископ Старорусский, и член Синода архиепископ Калужский (затем Рязанский) Феофилакт (Русанов). «Предначертаание» нового устройства духовных школ, по поручению митрополита Амвросия, было составлено епископом Евгением. Оно предполагало создание Духовных Академий, которые, будучи высшими

богословскими школами, осуществляли бы в то же время общее руководство другими духовными учебными заведениями в соответствующих округах²⁴. В ноябре 1807 г., «по высочайшему повелению», создается Комитет «о усовершеншии духовных училищ», который уже через полгода подготовил общий план реформы и был в прежнем составе (митрополит Амвросий, епископ Феофилакт и некоторые другие) преобразован в постоянно действующий орган руководства подготовкой духовенства — Комиссию духовных училищ. По этому плану предполагалось образовать для начала четыре учебных округа (Петербургский, Московский, Киевский и Казанский) с соответствующей сетью семинарий и низших духовных училищ, во главе которых находились бы преобразованные Духовные Академии. Важной идеей данного проекта было должное материальное обеспечение духовных школ. С этой целью создавался «училищный капитал», на который, помимо государственных ассигнований, решено было употребить свечной доход церквей²⁵. Неблагоприятные внешние условия, связанные с Отечественной войной 1812 г., повлекшей значительное отвлечение средств из новообразованного капитала, замедлили осуществление вышеуказанного плана, а некоторые его положения так и остались неосуществленными.

Но, помимо этого, самым серьезным вопросом, который встал уже в самом начале преобразований, была проблема кадров. Часть преподавателей по философии и языкам поначалу была приглашена из-за границы²⁶. Богословские дисциплины читали отечественные профессора, и здесь особо выделялись бывшие питомцы Троицкой семинарии, и прежде всего архимандрит Филарет²⁷.

Начав свою научно-учебную деятельность в Петербурге в 1809 г., куда он прибыл вопреки протестам митрополита Платона по вызову Комиссии духовных училищ, архимандрит Филарет в марте 1812 г. становится ректором открытой за три года до этого столичной Духовной Академии. В определенном смысле она является его детищем. Дело здесь даже не только в том, что при нем был осуществлен первый выпуск 1814 г., когда 12 из 78 выпускников сразу же дополнили профессорскую корпорацию, причем среди них были такие известные впоследствии церковные деятели, как митрополит Новгородский и С.-Петербургский Григорий (Постников), профессор протоиерей Герасим Павский, профессор протоиерей Иоаким Кочетов²⁸, и не в том, что почти 4 года он один вел весь цикл богословских дисциплин, составив ряд курсов, долгое время потом считавшихся классическими. Главная заслуга Филарета состоит в том, что он дал школе направление, оказавшееся жизнеспособным в течение всего последующего столетия, несмотря на не всегда благоприятные условия.

Ведущим предметом изучения теперь становится Священное Писание. Русскому, а вместе с тем и всему православному богословию возвращалась его библейская основа. Через это начинается возврат в русло патристической традиции²⁹. Характерно в этом отношении «Начертание церковно-библейской истории». «У Филарета, — отмечает проф. прот. Г. В. Флоровский, — было живое историческое чувство. В этом грань, отделяющая его и от запоздалых схоластов, с их логическим педантизмом, и от новейших мистиков, для которых Библия слишком часто разрешалась в притчу или символ... Для Филарета Библия всегда есть книга историческая, прежде всего. Открывается она описанием тво-

рения неба и земли и заключается явлением нового неба и новой земли — «вся история нынешнего мира...» И эта священная история мира есть история Завета Бога с человеком — тем самым есть история Церкви...»³⁰.

Следующим важным моментом в направлении, сообщенном Филаретом своей школе, является открытость духовным запросам времени. Это состояние, столь естественное в Церкви в патристическую эпоху, до него, да и нередко впоследствии, переживалось в России не часто. Здесь прежде всего следует назвать предпринимавшийся под его руководством русский перевод Библии, начатый в 1816 г. Глубокая православная традиционность и ясность церковного мышления сочетались у Филарета с острым чувством времени. Отсюда его сознание правоты в период бесплодных споров о необходимости перевода Библии на русский язык. Отсюда его осторожность в суждениях о других христианских конфессиях и, опять же, открытость диалогу при сохранении четкости своего православного самосознания³¹.

Несколько слов нужно сказать и об атмосфере, господствовавшей в С.-Петербургской Духовной Академии (далее — СПбДА) в период ректорства Филарета. Здесь много занимались, много читали. Рабочий день и учащих, и учащихся был, как правило, заполнен до предела. При этом во всем царила сердечность, пример которой подавал отец ректор³². Дошедший до наших дней инспекторский журнал СПбДА того времени интересен тем, что в нем нет ни одной записи о нарушениях дисциплины или каких-либо беспорядках в Академии³³. Последнее свидетельствует о внутреннем преодолении атмосферы казенщины, установившейся в русской духовной школе со времен «Духовного регламента».

После Филарета ректором Академии в 1819—1826 гг. был его ученик и друг архимандрит (с 1822 г. в сане епископа Ревельского) Григорий (Постников), много позже бывший митрополитом С.-Петербургским. Стал издаваться (с 1821 г.) академический журнал «Христианское чтение». Продолжалось дело библейского перевода. В 1825 г. профессор СПбДА протоиерей Герасим Павский подготовил к печати русский текст Пятикнижия.

Но внешние обстоятельства резко изменились. Длившееся три десятилетия николаевское царствование привело С.-Петербургскую Духовную Академию к некоторому застою. Дело библейского перевода оказалось под запретом. В преподавании стали усиливаться охранительные тенденции. Пальма первенства в прогрессе богословской мысли и церковной науки явно переходит тогда к Московской Духовной Академии (далее — МДА). Вдали от обер-прокурорского надзора, находясь «под крылом» Филарета, теперь уже митрополита Московского, Академия «у Троицы» несомненно имела больше возможностей как для взращивания своих талантов, так и для предоставления им широкого поля ученой деятельности. Архиепископ Филарет (Гумилевский), протоиерей Александр Горский, протоиерей Феодор Голубинский — эти имена, прославившие московскую богословскую школу, как раз принадлежат к тому времени. И хотя во главе СПбДА тогда порой и оказывались сильные и яркие личности, как, например, архимандрит Смарагд (Крыжановский) (ректор в 1830—1831 гг.), все же изменить установившиеся тенденции им не представлялось возможным³⁴.

Здание Санкт-Петербургской Духовной Академии

Общественное пробуждение 60-х гг. XIX в. не прошло бесследно и для СПбДА. Возобновление русского перевода Библии вновь выдвигает Академию в научно-богословский авангард. Предметом интереса вновь становятся «запрещенные» переводы прот. Г. Павского и другого питомца СПбДА — апостола Алтая, архимандрита Макария (Глухарева)³⁵. Библиенистика и гебраистика теперь представлены здесь такими видными учеными, как Е. И. Ловягин, М. А. Голубев, Д. А. Хвольсон, Ф. Г. Елеонский, И. С. Якимов и некоторые другие³⁶.

На достаточно высоком уровне оказывается здесь и преподавание философии. Еще в 1833 г. в качестве профессора в СПбДА трудился В. Н. Карпов († 1867), прославившийся русским переводом Платона³⁷. Затем долгие годы курс философии читал здесь выпускник МДА М. И. Каринский († 1917 г.), известный как тонкий аналитик и критик философских систем. Как известный питомец «школы верующего разума», он сочетал критическую требовательность с непреклонностью веры³⁸. Вводится преподавание психологии, курс которой был подготовлен А. Е. Светилиным († 1887)³⁹.

Переводится в Петербурге не только Священное Писание. Профессор Е. И. Ловягин подготовил в 1885 г. русский перевод богослужебных канонов (отдельные из них переводились еще в 30-е гг. XIX в. и публиковались в «Христианском чтении»), тогда же были изданы в русском переводе святоотеческие изъяснения богослужебных последований, а спустя почти два десятилетия стали выпускаться переводы древних ли-

тургий — восточных и западных. Кроме того, с 1847 г. при СПбДА переводились беседы св. Иоанна Златоуста, а также сочинения древних церковных историков — Евсевия Памфила, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита, Евагрия, Феодора чтеца и Филосторгия⁴⁰.

Особое место в русской богословской науке в последней четверти XIX — начале XX в. СПбДА стала занимать как церковно-историческая школа. Здесь может быть назван целый ряд имен — И. Е. Троицкий, В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов, Н. К. Никольский, П. Н. Жукович, И. С. Пальмов, И. П. Соколов, Т. В. Барсов и другие. Это были разные ученые и по конкретным предметам своего изучения, и по степени своего дарования. Но что объединяет их и дает им право говорить о петербургской церковно-исторической школе — это, по выражению прот. Г. Флоровского, «широта их богословского и практического кругозора»⁴¹. Их исследования прошлого Церкви были обращены к церковным запросам настоящего⁴². Можно назвать еще целый ряд дисциплин и имен, с которыми на рубеже веков был связан научный прогресс Петербургской духовной школы. Это и догматическое богословие (А. Л. Катанский)⁴³, и патрология (Н. И. Сагарда)⁴⁴, и нравственное богословие (А. А. Бронзов)⁴⁵, и церковная археология (Н. В. Покровский), и каноническое право (В. Н. Бенешевич)⁴⁶. Можно также назвать и ряд областей, где учеными тружениками СПбДА был сделан значительный вклад в церковную науку и богословскую мысль. Достаточно сказать о трудах Н. Н. Глубоковского о св. апостоле Павле⁴⁷ или об экклезиологическом исследовании прот. Евгения Аквилонова⁴⁸.

В это же время в Академии выдвигается замечательный круг ученых-славистов (Н. К. Никольский, И. Е. Евсеев, епископ Анастасий)⁴⁹. Вновь поднимается вопрос о работе над славяно-русской Библией. По инициативе неутомимого И. Е. Евсеева в 1915 г. создается Библейская комиссия, имеющая целью подготовку критического издания славянской Библии⁵⁰. Перед Поместным Собором 1917—1918 гг. им ставится вопрос о пересмотре существующего русского «синодального» перевода Библии в плане возвращения его в русло кирилло-мефодиевской традиции⁵¹.

Открытость духовным запросам времени также была характерна для СПбДА в последние десятилетия ее существования. Здесь можно было бы сказать и об экуменической (говоря современным языком) устремленности ее богословов там, где представлялась возможность диалога. Еще с 70-х гг. прошлого века тогдашний ректор Академии протоиерей И. Л. Янышев и профессор И. Т. Осинин откликнулись на призыв к сближению, прозвучавший со стороны старокатоликов. Позднее фактически при СПбДА была создана синодальная Комиссия по старокатолическому вопросу, в которой плодотворно трудились В. В. Болотов, епископ (впоследствии Патриарх) Сергей, А. И. Бриллиантов и др.⁵². С конца XIX в. также активизируется диалог с англиканами. Англиканские богословы становятся нередкими гостями в СПбДА. Откликается школа и на духовные запросы русского общества. Начало XX в. было трудным временем для русского церковного сознания. Вековая сословная оторванность духовенства и положение Православной Церкви в России в качестве государственного «ведомства» делали церковный голос как бы неслышным в общественной жизни. Образованное общество привыкло смотреть на Русскую Церковь с недоверием. Нужна была

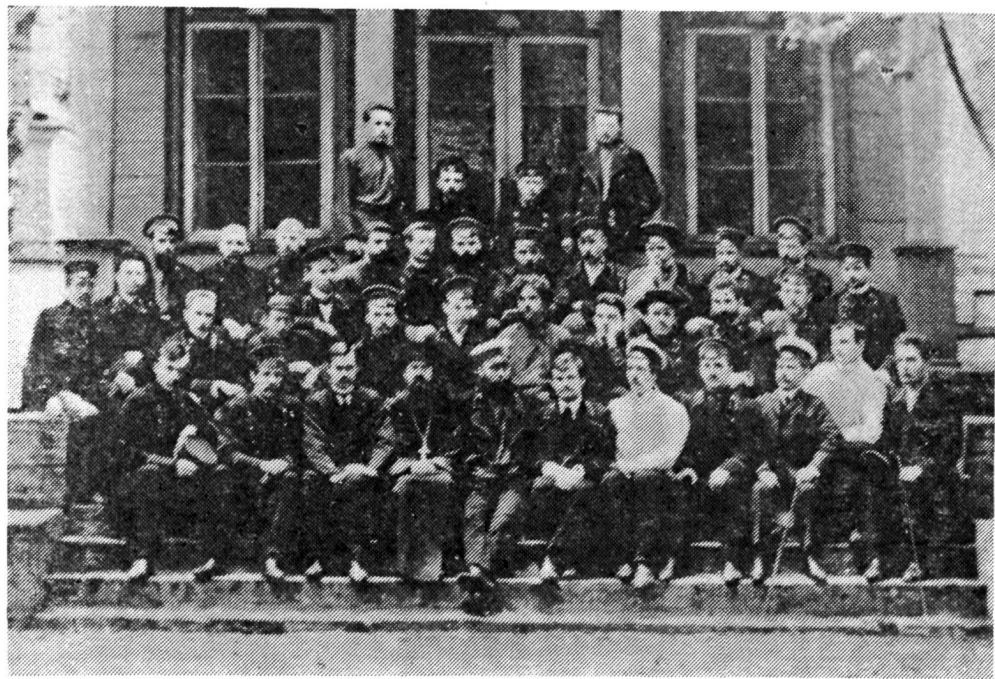
открытая и честная встреча Церкви с интеллигенцией. И она состоялась, причем самое деятельное участие в этом приняли профессора СПбДА во главе со своим ректором епископом Сергием (Страгородским). Успех религиозно-философских собраний 1902—1903 гг. стал значительной вехой в церковно-общественном пробуждении в нашей стране в предреволюционные годы⁵³.

III

Касаясь истории русской высшей богословской школы, следует особо остановиться на вопросах ее устройства и организации учебного процесса. Уставы Духовных Академий были документами своего времени, отражающими как общественную ситуацию, так и уровень развития, достигнутый богословской наукой и церковной школой. Однако, пусть даже самый краткий, их обзор может дать немало поучительного.

Устав 1814 г., составленный в основном еще в 1809 г. М. М. Сперанским и архиепископом Феофилактом и исправленный затем митрополитом Амвросием при участии Филарета, охватывал всю систему духовных школ. Цель последних определялась им как «образование благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия»⁵⁴. В основу этого образования клалось изучение Священного Писания, в котором предполагалось особо отметить «главнейшие места богословских истин». Theologia hermeneutica становилась, таким образом, ведущей богословской дисциплиной. Кроме того, духовная школа, призванная готовить образованных служителей Церкви, являлась по своему характеру классическо-гуманитарной. Философские и филологические дисциплины становились необходимым подспорьем в деле повышения ее богословского и общенаучного уровня. Вопросы административные и воспитательные были там разработаны сначала в самых общих чертах. Сосредоточение довольно большой власти в руках ректора (последний, будучи подведомственным епархиальному архиерею, должен был осуществлять руководство Академией вместе с правлением, в которое, кроме него самого, входили еще эконом и один из профессоров, назначаемый ежегодно по выбору корпорации) отражало то положение, что школа, находящаяся в процессе становления, требовала единого и сильного организующего начала.

Устав этот просуществовал более полувека, хотя за это время в постановке учебного процесса в духовных школах происходили изменения, а также предпринимались попытки изменить и сам устав⁵⁵. Духовно-учебное управление при Св. Синоде стало собирать мнения по поводу возможной реформы духовных учебных заведений. В 1860 г. с целью их рассмотрения был создан специальный комитет под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова). Последний предложил и свой проект переустройства духовной школы, который на сорок с лишним лет предвосхитил достижения русских предсоборных учреждений по вопросу школьной реформы. Главное в нем было — при сохранении средних учебных заведений для детей духовенства, создание особых внесловных пастырских школ со строгим внутренним укладом, куда бы допускались лица со сложившимся призванием к пастырству⁵⁶. Оценивая этот проект, прот. Г. Флоровский замечает, что он «означал

Студенты у здания Академии

молчаливое упразднение сословного духовенства» и в результатах своих мог иметь «разложение существующей церковно-политической системы, освобождение Церкви от государства, его опеки и власти»⁵⁷. Это почувствовали тогда многие, что и привело к провалу указанного проекта. Однако вопрос о новых уставах для духовных учебных заведений не был снят с повестки дня. Более того, тенденции в общественной жизни данного времени нашли в них свое достаточное отражение.

Новый Устав Духовных Академий был принят в 1869 г.⁵⁸. Он предполагал широкий круг преобразований. Прежде всего, в нем был ясно выражен ученый характер высшей богословской школы. Значительно расширились права академических конференций. Повышались и требования к ее членам. Ординарные профессора, а также и ректор обязаны были отныне иметь докторскую степень. Срок же профессорской деятельности определялся в 25 лет, после чего предполагалась дополнительная баллотировка на следующие пять лет, которую затем можно было еще раз повторить. Таким образом, общий срок академической службы безусловно ограничивался 35-ю годами. Это было призвано обеспечить приток свежих сил в корпорацию. Для получения магистерской и докторской степеней теперь требовались представление печатной диссертации и ее публичная защита. Как отмечает прот. Г. Флоровский, это должно было устранить распространенный предрассудок об отсталости академической науки и дать возможность общения с наукой университетской⁵⁹. Интересно отметить, что еще в конце 50-х гг. XIX в. в СПбДА возникла мысль сделать академическое преподавание открытым и публичным, подобно университетскому⁶⁰. В отношении учебного процесса новым было введение отделений. При общеобязательности определенной части предметов остальные были разделены на группы, по которым предполагалась дальнейшая специализация студента. Таких отделений было создано три: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Устав 1869 г. был значительным шагом вперед в деле организации высшей богословской школы, свидетельствуя о ее качественном росте. Имел он одобрение и в церковно-научных кругах⁶¹. Однако просуществовал он всего 15 лет. Атмосфера 80-х гг. оказалась неблагоприятной для русской духовной школы. Правда, новые охранительные тенденции не смогли уже остановить ее ученого и церковного роста: для этого ею был достигнут достаточно высокий научно-богословский уровень, что повлекло и соответствующее усиление ее общественного значения. Но все-таки деятелям русской церковной науки пришлось пережить немало неприятных минут в те годы, когда «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», нередко больно задевая ими и Духовные Академии⁶².

Что же повлек за собой спущенный сверху Устав Духовных Академий 1864 г.? Значительное изменение всего академического строя. Над Академиями усиливалась власть епархиального архиерея. Ректоры теперь, как правило, в сане епископа или, на худой конец, архимандрита обретали прежнее начальственное положение. Упразднялись отделения и специализация. Отменялась публичность магистерских диспутов, а степень доктора стали присуждать без защиты, на основании лишь отзывов двух рецензентов⁶³. В целях усиления охранных тенденций руководящие посты в Духовных Академиях стали передаваться в руки мона-

шествующих. Многие современники (протопресвитер Г. Шавельский, проф. Н. Н. Глубоковский) отрицательно высказывались об этом явлении, имея в виду, правда, вопрос не о самом монашестве в стенах Академий, а о зависимости между принятием монашества и занятием начальствующего положения в духовной школе⁶⁴. Однако к чести выдвинувшихся в то время в руководство СПбДА представителей так называемого ученого монашества следует сказать, что благодаря своим личным качествам и высокому научному авторитету многие из них стали выдающимися организаторами и руководителями отечественного богословского образования, оградив тем самым духовную школу от дискриминационных последствий нового Устава. В этой связи прежде всего нужно назвать епископа Антония (Вадковского), бывшего ректором в 1887—1892 гг. (впоследствии митрополит С.-Петербургский), в прошлом семейного человека и профессора Казанской Духовной Академии. Далее этот список могут продолжить епископы Сергей (Страгородский), Сергей (Тихомиров), Феофан (Быстров) и Анастасий (Александров). То же можно сказать и про инспекторов; назовем Михаила (Грибановского), Антония (Храповицкого) и опять же Сергия (Страгородского) и Феофана (Быстрова).

Устав 1910 г. был принят как некий компромисс между Уставами 1869 и 1884 гг. В отношении организации учебного процесса им допускалось, в порядке специализации, выделение групп предметов (кроме общеобязательных), занятия которыми предоставлялись на выбор студентам; увеличивалось также число кафедр⁶⁵. Что же касается учебного процесса, то его упорядочению много внимания уделял во время ректорства (1901—1905 гг.) епископ Сергей (Страгородский). Изучив в течение двух лет своего инспекторства и затем ректорства в СПбДА организацию преподавания учебных предметов и самостоятельных работ студентов, он внес два проекта о перераспределении дисциплин по курсам Академии и учебным часам, а также о новом порядке написания семестровых сочинений⁶⁶. Принятие его предложений позволило сделать постановку учебного процесса более эффективной, соответствующей уровню богословской науки и проистекающим отсюда требованиям.

Предсоборное движение 1905—1917 гг. одной из своих четырех главных проблем считало вопрос о реформе духовной школы. По нему высказывались практически все русские епархиальные архиереи⁶⁷. Правда, мало кто из них детализировал проблему. Но в одном почти все были едины — нужна всесословная пастырская школа. Последнее влекло за собой и более широкую внесословность высшей богословской школы, которая фактически в отдельных случаях уже достигалась⁶⁸. Собственно говоря, осуществление этих предложений приводило в конечном итоге к разрушению, в качестве обязательной, следующей последовательной цепи: духовное училище — Семинария — Академия⁶⁹. В частности, предлагалось создать пастырские школы с трех-четырёхгодовалым циклом обучения по типу «реального», возможно, даже «классического» среднего учебного заведения, а также высшие богословские школы, предполагающие для своих выпускников возможность как научно-педагогической, так и пастырской деятельности. И в те и в другие школы отбор лиц, имеющих призвание к церковному служению, определялся бы степенью их образовательной подготовки и интеллектуальными способностями.

Что же касается типа высшей богословской школы, то здесь небезынтересно упомянуть предложения, сделанные двумя выдающимися деятелями русской богословской науки того времени и подхваченные как в среде профессуры, так и среди студенчества. Так, в 1905—1906 гг. профессор Киевской Духовной Академии прот. П. Я. Светлов и профессор СПбДА Н. Н. Глубоковский высказались за создание при университетах православных богословских факультетов. Духовные же Академии предлагалось сохранить как научные и методические центры Русской Церкви. По мнению авторов этих предложений, сближение с университетами способствовало бы повышению научного уровня богословских и церковно-исторических разработок, а также повысило бы роль Церкви в среде образованного общества⁷⁰. Но все же среди иерархии данное предложение поддержки не встретило⁷¹.

Когда же весной 1917 г. перспектива скорейшего созыва Поместного Собора оказалась реальной, была срочно собрана Комиссия представителей Духовных Академий. Ей предстояло выработать проект Нормального устава последних, который через Святейший Синод был бы передан для соборного рассмотрения⁷². Этот проект, одобренный уже в 1918 г. Собором и предложенный к введению в жизнь «по мере возможности»⁷³, казалось, собрал в себя все пожелания деятелей русского богословского образования за последние 70 лет.

Здесь говорилось и о ставропигиальности Академий, т.е. о подчинении их высшему церковному управлению, помимо епархиальных архиереев, о выборности должностных лиц и членов корпорации, об открытом характере преподавания и допущении женщин в качестве вольнослушателей. Интересны также положения Устава 1917—1918 гг. в отношении организации учебного процесса. В целях повышения научного уровня выпускников Академий в основу Устава полагалась четкая специализация по пяти группам: 1) библейской; 2) богословско-философской; 3) церковно-исторической; 4) филологической и 5) церковно-практической. Общеобязательные же предметы предполагалось разделить на циклы с последовательным их прохождением. Таким образом, отпадала нужда растягивать преподавание иных предметов на длительный срок и обеспечивалась целостность восприятия смежных дисциплин. Кроме того, усиливалось преподавание общеобразовательных дисциплин: языков, философии, психологии и литературы. В Киевской Академии предполагалось введение украиноведения, а в Казанской — усиление изучения ислама и буддизма на миссионерском отделении⁷⁴.

Таковы некоторые итоги развития высшего богословского образования в России.

IV

В результате революционных преобразований в стране Церковь была отделена от государства и школа от Церкви. Перед Русской Церковью вставал вопрос о создании новой духовной школы, находящейся на церковном содержании. С наибольшим успехом эта цель была достигнута в Петрограде⁷⁵. Энтузиастом нового начинания явился здесь Иван Павлович Щербов, бывший до этого преподавателем духовной Семинарии († 1926). В 1918 году ему удается организовать пастырское училище, а на следующий год он ставит вопрос перед Петроградской

митрополией о необходимости создания Богословского института. Образуется специальный комитет, разрабатывается положение, наконец, получается разрешение управления учебными заведениями Наркомпроса на деятельность института. Он просуществовал с апреля 1920 г. по май 1923 г. и закрылся по причине обновленческого раскола, дабы не попасть в ведение самозванного епархиального управления. Его ректором в эти годы был настоятель Казанского собора протоиерей Николай Кириллович Чуков, единодушно избранный корпорацией. Это был опытный пастырь и педагог, имевший заслуженный авторитет в научных кругах города. В институт принимались лица, желающие послужить Церкви Христовой и имевшие среднее образование, причем как мужского, так и женского пола (всего было зачислено 100 слушателей, из них 32 с высшим образованием). Несомненной положительной особенностью новой богословской школы было наличие в ее корпорации профессоров как б. Петроградской Духовной Академии (А. И. Бриллиантов, прот. В. М. Верюжский, Н. Н. Глубоковский, С. М. Зарин, И. А. Карабинов, Н. В. Малицкий, Д. П. Миртов, прот. А. В. Петровский, И. П. Соколов), так и Петроградского университета (Д. И. Абрамович, А. П. Алявдин, С. С. Безобразов — впоследствии епископ Кассиан, Л. П. Карсавин, С. В. Меликова-Толстая, М. Д. Приселков, М. Н. Соколов и академик Б. А. Тураев). Таким образом, давно желанный синтез двух высших учебных заведений осуществился самым неожиданным образом.

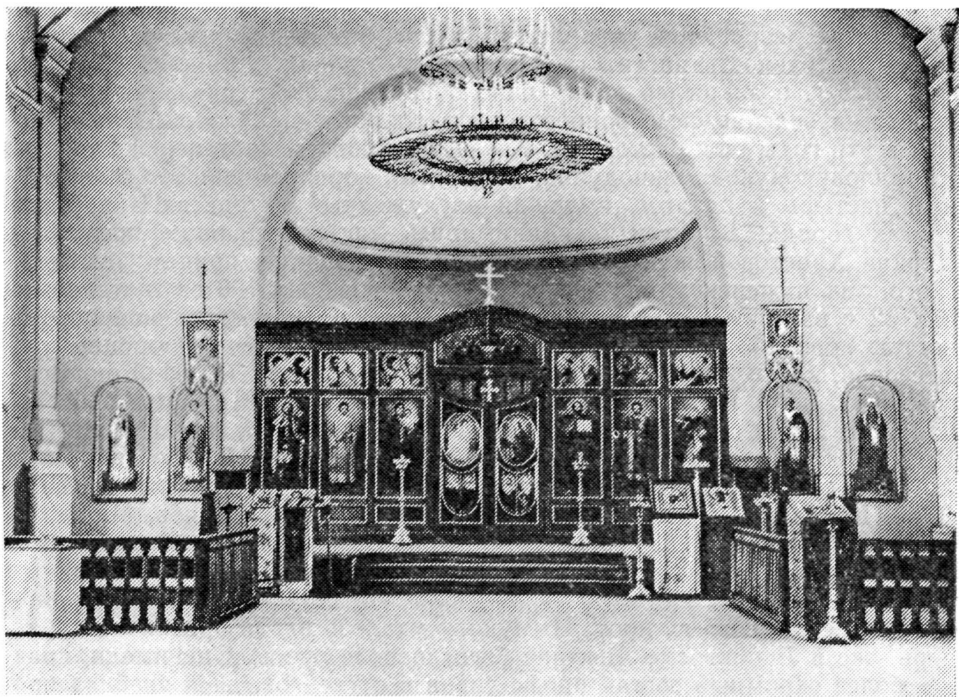
Позднее, в 1925 г., прот. Н. Чукову удалось вновь организовать, теперь уже в Ленинграде, Высшие богословские курсы. Они имели, правда, более скромный состав профессоров и студентов, да и учебная программа на них была поуже. Некоторые из бывших питомцев института сумели завершить на курсах свое богословское образование⁷⁶. После закрытия курсов в 1928 г. прот. Н. Чуков выдвигает новый проект создания богословской школы. Он получает одобрение заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Но обстоятельства времени не дают его осуществить.

К претворению заветного желания — созданию в городе на Неве богословской школы, которая могла бы стать преемницей своей славной предшественницы — С.-Петербургской Духовной Академии, — отец Николай, теперь уже митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, смог вернуться в 1945 г.

V

Во время Великой Отечественной войны руководство Русской Православной Церкви поставило в качестве первоочередной задачу скорейшей подготовки пастырских кадров для восстанавливавшихся церковных общин. Уже в сентябре 1943 г. Святейший Патриарх Сергей поручил Преосвященному Григорию, тогда архиепископу Псковскому, разработать проект организации духовных учебных заведений среднего и высшего типа. 1 октября того же года последний был представлен, получив одобрение Патриарха и Священного Синода⁷⁷. В соответствии с этим проектом предполагалось образовать сеть богословско-пастырских курсов по епархиям и открыть Богословский институт в Москве⁷⁸.

Богословский институт и Богословско-пастырские курсы были открыты в Москве 14 июня 1944 г., месяц спустя после кончины Патриарха

**Интерьер храма во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова
возрожденной Духовной Академии (1946 г.)**

Сергия (15 мая 1944 г.). Два года просуществовали московские высшая и средняя духовные школы под указанными названиями. Это было время приобретения необходимого опыта и вместе немалых испытаний для системы богословского образования в нашей стране в целом. Главное из них состояло в том, что коренным образом изменился контингент учащихся в сравнении не только с дореволюционной духовной школой, но даже и с послереволюционными богословскими учебными заведениями. «Среди многих трудностей, переживаемых современной духовной школой,— писал в 1946 г. А. В. Ведерников, бывший в то время инспектором Богословского института,— самой наибольшей представляется богословская неподготовленность тех, кто стремится поступить в число ее питомцев. Кроме общего светского образования, совершенно чуждого всякой религиозности, поступающие в духовную школу приносят чаще всего одно желание служить Богу в священном сане. Но для этого нужно овладеть высотами богословской науки, которая требует довольно основательной начальной подготовки, возможной только при наличии религиозного воспитания с детства»⁷⁹.

Между тем, условия современной церковной жизни требовали от пастыря широкой образовательной подготовки. Учитывая это, в программу Богословского института (преобразованного в 1946 г. в Московскую Духовную Академию), кроме дисциплин богословского, церков-

но-исторического и церковно-практического цикла, древних и новых языков, предполагалось включить также преподавание истории религий, истории русской религиозной мысли, логики, психологии, истории философии с метафизикой и христианской педагогики⁸⁰.

Нужно было искать оптимальную форму для системы богословского образования, которая, с одной стороны, отвечала бы потребностям Русской Церкви в большом числе подготовленных пастырей, а с другой — учитывала бы особенности контингента учащихся новой русской духовной школы. Таковой формой, получившей затем укоренение и в основных чертах сохранившейся по настоящее время, явилась двухступенчатая школа — средняя и высшая. Первая получила в 1946 г. наименование Духовной Семинарии, вторая — Духовной Академии. Срок обучения в каждой из этих школ должен был равняться четырем годам. Таким образом, полный цикл богословского образования был рассчитан на 8 лет. Предполагалось, что первые два класса Семинарии будут пропедевтическими, т. е. будут давать учащимся знания основ вероучения, знакомить со Священной Историей и церковным уставом. При этом выдержанная в духе строгой церковности система воспитания должна была способствовать воцерковлению питомцев духовной школы. Следующие два — «богословских» — класса Семинарии призваны были дать уже подготовку, необходимую для пастырской деятельности. Та же пастырская направленность полагалась в основу и высшей богословской школы. «В задачу Духовной Академии, — писал А. В. Ведерников, — входит совершенствование богословских знаний, полученных студентами в Семинарии. Отгораживаясь от соблазна умножать знания ради знаний, Академия должна готовить пастырей, способных направлять религиозно-нравственную жизнь верующих в более широких масштабах городской общины и даже епархии»⁸¹.

Став во главе восстанавливавшегося в Русской Церкви духовно-учебного дела, на посту председателя Учебного комитета Московского Патриархата, Преосвященный Григорий († 1955) сразу же стал думать о возрождении богословской школы в городе на Неве. В январе 1945 г. он становится правящим архиереем Ленинградской епархии и сразу же начинает прилагать усилия к практическому осуществлению этого замысла. В ноябре того же года в Ленинграде открываются Богословско-пастырские курсы. А 8 октября 1946 г. в присутствии Святейшего Патриарха Алексия состоялось торжественное открытие Ленинградских Духовных Академии и Семинарии.

В основу постановки богословского образования в новой духовной школе и был положен вышеизложенный принцип, признанный в то время оптимальным. В свою очередь, митрополит Григорий был глубоко убежден, что получение богословского образования должно находиться в неразрывном сочетании с воспитанием в духе православной церковности. В своей речи на открытии Ленинградской Духовной Академии (далее — ЛДА) он говорил: «Образовательная задача новой духовной школы должна сливаться и перерастать в задачу воспитания будущих пастырей Церкви, когда воспринимаемые в преподавании богословских наук православные истины превращались бы в принципы жизни, содействовали бы развитию нравственных качеств и вместе со всем строем жизни школы, богослужений, взаимоотношений и пр. создавали убежденных и твердых носителей святой православной веры, ревностных сея-

телей добра и правды, верных и честных граждан своей великой Родины»⁸².

В первый год своего существования духовная школа в Ленинграде насчитывала 74 учащихся (28 человек на первом курсе Семинарии, 30 человек на третьем курсе Семинарии и 16 человек на первом курсе Академии), а ее корпорация состояла из 10 человек (3 профессора, 5 доцентов и 2 преподавателя)⁸³. Первым ректором ЛДА стал опытный пастырь и видный деятель духовного просвещения протоиерей Иоанн Яковлевич Богоявленский⁸⁴. В последующие годы увеличивался состав учащихся, росла и корпорация. В нее входили тогда, главным образом, питомцы старой духовной школы. Среди профессоров ЛДА в первые годы ее существования было также три бывших наставника СПбДА: протоиерей В. М. Вержужский (в прошлом экстраординарный профессор по кафедре истории славянских Церквей, † 1955), А. И. Сагарда (в прошлом исполняющий должность доцента по кафедре патрологии, † 1950) и В. В. Четыркин (в прошлом доцент по кафедре Священного Писания Нового Завета, † 1949).

Понятно, что упомянутые выше особенности контингента учащихся, а также практическая направленность образования, вызванная необходимостью скорейшей подготовки многочисленных кадров священнослужителей, соответствующим образом сказывались на уровне новой духовной школы, который, естественно, оказывался ниже, чем у ее предшественниц. Кроме того, помимо стационарного, в Ленинградских Духовных Академии и Семинарии до 1968 г. осуществлялось и заочное обучение занятых на приходном служении клириков.

Между тем, к началу 60-х гг. в жизни Ленинградских духовных школ назревал кризис. Корпорация, состоявшая, в основном, из выпускников старой духовной школы, постепенно редела. Требовались новые кадры преподавателей, причем находящихся на достаточно высоком уровне, учитывая новые серьезные задачи, встававшие перед Русской Православной Церковью в связи с усиливавшимся вовлечением ее в экуменическое движение. Делу созидания богословской школы в Ленинграде на новом этапе ее существования немало трудов посвятил митрополит Никодим (Ротов, † 1978) за годы своего управления Ленинградской епархией (1963—1978).

Прежде всего была в достаточной степени решена проблема преподавательских кадров, подготовленных теперь уже в новой духовной школе: к 1978 г. в корпорации ЛДА состояло только два профессора, получивших богословское образование в прежних школах, — протоиерей М. К. Сперанский (выпускник СПбДА 1913 г., † 1984) и Н. Д. Успенский (выпускник Высших богословских курсов в Ленинграде 1927 г.). Кроме того, заметно возрос ее уровень. На экуменических и международных богословских встречах члены академической корпорации стали теперь уже нередкими гостями, снискав заслуженный авторитет. Ленинградские духовные школы обрели международную известность. Кроме учащихся из СССР, в них стали обучаться студенты из ряда других стран, в том числе и таких, где православное богословское образование находится на достаточно современном уровне (например, из Греции, Югославии, Болгарии, США). 70-е годы, кроме того, вообще ознаменовались увеличением контингента учащихся, причем при заметном повышении их образовательного и интеллектуального уровня.

Если же говорить об основной задаче, стоявшей перед Ленинградскими духовными школами при их открытии, — о подготовке кадров священнослужителей и других работников Русской Православной Церкви, то их почти сорокалетняя история имеет следующие результаты. Всего Ленинградские Духовные Академию и Семинарию за эти годы окончили 1423 человека. Степени кандидата богословия удостоены 367 человек. Магистерские диссертации в ЛДА защитили 25 человек, а степень доктора была присуждена 12 соискателям.

VI

Заканчивая этот небольшой обзор, необходимо остановиться на тех задачах, которые стоят перед современной православной духовной школой. Понятно, что те или иные формы богословского образования, вызванные потребностями времени и связанные с определенными историческими обстоятельствами, не могут оставаться неизменными, — они требуют постоянного совершенствования. И если сорок лет назад так или иначе на первый план выступала задача подготовки достаточного *количества* священнослужителей и других церковных работников, то теперь со всей ясностью перед нашей богословской школой встает задача повышения *качества* даваемого в ней образования. Причем под образованием ныне, как и сорок лет назад⁸⁵, следует понимать не только совокупность знаний и освоение метода научно-богословской работы, но и формирование твердых христианских убеждений, подлинной личной духовности, верности и любви к своему Отечеству. Поиск путей развития богословского образования в духовной школе Ленинграда далеко не закончен. Впрочем, много поучительного дает нам здесь и история, которая в сочетании с требованиями современности определяет своеобразные ориентиры, высвечивающие основные направления развития богословского образования. Богословие, основанное на Священном Писании и святоотеческой традиции, строгая научность исследования и верность церковному Преданию, открытость проблемам, волнующим современного человека, и способность творчески сохранять неизменными истины апостольской веры; честное стремление к христианскому единству посредством братского экуменического диалога и верность святому Православию; развитие пастырского подхода к современным общественным проблемам и совершенствование личной и общинной духовности — вот те задачи, осуществление которых стоит на пути, завещанном нам лучшими представителями духовной школы в Петербурге — Петрограде — Ленинграде.

Знаменательным в этом отношении явилось выступление митрополита Никодима на торжественном акте по случаю 30-летия ЛДА 9 октября 1976 г.⁸⁶ Обозревая исторический путь духовной школы в городе на Неве, он остановился на задачах, стоящих перед современной богословской наукой. Покойный Владыка отметил, в частности, принципиальную значимость всестороннего изучения Священного Писания, поскольку только на его основе может развиваться подлинное богословское творчество. В свою очередь, последнее будет плодотворным, если впитает в себя опыт патристической традиции. Верность же этой традиции во многом состоит в актуальности богословской мысли, в ее стремлении дать адекватный ответ на запросы своего времени и явить

подлинное свидетельство веры Христовой перед лицом духовных поисков человечества.

Это выступление митрополита Никодима явилось как бы его духовным завещанием школе, в которой он сам получил богословское образование и которой потом отдал немало энергии. Не утратило оно своего значения и теперь, побуждая и нынешних тружеников на ниве богословского образования в городе на Неве прилагать усилия в поисках путей дальнейшего развития церковной науки и богословской мысли на благо Святой Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известным памятником такого учительства, дошедшим до нас, является *Διδαχὴ τῶν δωδεκά ἀποστόλων* (Учение двенадцати апостолов), относящееся к рубежу I—II вв. Текст с комментарием — в серии «Sources chrétiennes», п. 248, Paris, 1978; русский перевод см. в «Журнале Московской Патриархии» (далее — ЖМП), 1975, № 11, с. 68—72. О нем: *Карышев А.* Новооткрытый памятник «Учение двенадцати апостолов». М., 1896; *Сагарда Н. И.* Лекции по патрологии. (Литограф). СПб., 1912; *Audet J.-P.* La Didaché, Instructions des Apôtres. Paris, 1958 («Etudes Bibliques»); *Quasten J.* Patrology, vol. 1. Utrecht-Antwerpen, 1975.

² Учительный характер во многом носят такие известные творения христианских апологетов II—III вв., как «Разговор с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа († 166, «К Автолику» св. Феофила, епископа Антиохийского († 80-е гг. II в.), «Октавий» Минуция Феликса (кон. II — нач. III в.). Об этом см.: *Борис*, архим. (впоследствии епископ и ректор СПбДА, † 1901). История христианского просвещения. *Православный собеседник*, 1885; *Quasten J.* Patrology, vol. 2. Utrecht-Antwerpen, 1975.

³ Кроме того, во 2-й половине II в. известны также школы св. Иустина в Риме и св. Ириния Лионского в Галлии. Что касается Александрийской школы, то ее возникновение обычно относят ко времени св. апостола Марка (*Евсевий*. Hist. eccl. II, 16; *Иероним*, De vir. ill. cap. VI). В свою очередь, во время руководства ею Пантеном (2-я половина II в.) она получила ту форму устройства, которая стала потом известна как *το τῆς ζωτικῆς διδασκαλίας* (Огласительное училище) (*Евсевий*. Hist. eccl. VI, 3). Об этом см.: *Дмитриевский А.* Александрийская школа. Казань, 1884; *Neltz R.* Die Theologischen Schulen der morgenländischen Kirchen. Bonn, 1916; *Quasten J.* Patrology, vol. 2.

⁴ Знаменательным в этом отношении явилась трилогия Климента Александрийского († ок. 216) — *Προτρεπτικός* (Увещения к Еллинам) — *Παιδαγωγός* (Педагог) — *Στροφάτεϊς* (Строматы), — являющаяся первой попыткой дать систематическое изложение христианского вероучения и определить отношение христианской богословской мысли к античной культуре, в особенности к философии. Указанные сочинения с комментариями изданы в серии «Sources chrétiennes», пп. 2, 23, 70, 108, 158, 278, Paris, 1949—1981; русский перевод сочинения Климента Александрийского см.: «Кто из богатых спасется» и «Увещения к Еллинам». Ярославль, 1888; Педагог. Ярославль, 1889; Строматы. Перевод и примечания *Н. Корсунского*. Ярославль, 1892. О них см.: *Писарев Л.* и *Сагарда А.* Климент Тит Флавий. Статья в «Православной богословской энциклопедии» (ПБЭ), т. II, СПб., 1910, с. 103—139 (содержит библиографию на русском и иностранных языках); *Osborn E. F.* The Philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge, 1957; *Quasten J.* Patrology, vol. 2.

⁵ Известно, что Оригену принадлежало критическое исследование еврейского масоретского текста Ветхого Завета, который он сравнивал с греческими переводами LXX-ти, Акилы, Симона, Феодотиона и некоторыми другими (так называемая гекзепла; погибла в 653 г. в Кесарии). Из его экзегетических произведений до нас дошли толкования на книгу Левит, Псалтирь, книгу пророка Иеремии, Евангелия от Матфея и Иоанна, Послание св. апостола Павла к Римлянам.

⁶ Этому посвящено сочинение Оригена *Περὶ ἀρχῶν* (О началах), дошедшее до нас в местах неверном латинском парафразе Руфина, а также в двух обширных отрывках (из III и IV книг), включенных свв. Василием Великим и Григорием Богословом в хрестоматию *Φιλοκαλία* (Добротолюбие). Издано с комментарием в серии «Sources chrétiennes», пп. 252, 253, Paris, 1978; русский перевод с введением и примечаниями: Творения Оригена, учителя Александрийского, вып. I. Изд. Казанской Духовной Академии. Казань, 1899. Об этом см.: *Болотов В. В.* Учение Оригена о Св. Троице. СПб., 1879; *Danielou J.* Origene. Paris, 1948.

⁷ Житие Константина (Кирилла) сообщает, что в этой школе будущий просветитель славян «научился и Гомеру и геометрии у Льва (Лев Математик — крупнейший представитель византийского просвещения IX в.—А. К.) и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и музыке, и всем прочим эллинским учениям» (Житие Константина IV; русский перевод в кн.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 70—91). Подробнее о характере образования, полученного св. Кириллом-Константином, см. вступительную статью Б. Н. Флори к указ. книге (с. 13—16).

⁸ *Сократ. Hist. eccl.* III. 31. Об Антиохийской богословской школе см.: *Глубоковский Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь, труды и литературная деятельность. Церковно-историческое исследование*, т. I. М., 1890; *Quasten J. Patrology*, vol. 3, Utrecht-Antwerpen, 1975.

⁹ В современной научной литературе начало схоластического периода в истории богословской мысли латинского Запада принято относить к послевугустиновскому времени, т. е. ко второй половине V—VI вв. (*Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью*.— В сб.: *Из истории культуры Средних веков и Возрождения*. М., 1976, с. 51—52; *Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика*. М., 1979, с. 343—345).

¹⁰ Современный отечественный исследователь латинской патристики Г. Майоров так пишет об этом: «Августином.... заканчивается работа крупномасштабного идеологического синтеза. На смену ему приходит бухгалтерский формальный синтез и некритическая имитация... Эпигон просто перелагал своими словами и применительно к своим целям философские пассажи из патристических сочинений. Но чаще он стремился дать свою собственную реконструкцию взглядов классика, особенно там, где они выражены недостаточно ясно, и, не обладая требуемой в таких случаях конгенальностью и историческим чутьем, обычно модернизировал излагаемую концепцию, точнее, деформировал, упрощал и огрублял ее, подтягивая под интеллектуальный стандарт своего времени» (*Майоров Г. Г. Указ. соч.*, с. 343—344).

¹¹ *Голубинский Е. Е. История Русской Церкви*, т. I, 1-я пол. М., 1901, с. 189.

¹² Так древнерусский летописец характеризует первых Киевских митрополитов из русских — Илариона и Климента Смолятича (Лаврентьевская летопись, под 6559 (1051) г., Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, с. 156; Никоновская летопись, под 6655 (1147) г., ПСРЛ, т. 9, с. 172).

¹³ Жалобы на кандидатов в священство, «едва бредущих по Псалтири», высказывал в конце XV в. известный ревнитель духовного просвещения св. Геннадий, архиепископ Новгородский. Московский Собор 1551 г. постановил завести школы для подготовки духовенства, но это решение еще более столетия не могло найти своего осуществления (*Макарий, митр. История Русской Церкви*, т. 6, кн. I. СПб., 1887, с. 248—249; *Знаменский П. Руководство к русской церковной истории*. Казань, 1888, с. 135—136).

¹⁴ *Флоровский Г.*, прот. Пути русского богословия. 2-е изд. Париж, 1981, с. 35—43; подробнее об этом см.: *Голубев С. Т. История Киевской Духовной Академии*, вып. I. Период до-Могилянский. Киев, 1886; *Чистович И. Очерки истории западно-русской Церкви*, т. I. СПб., 1882.

¹⁵ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 51—56; подробнее об этом см.: *Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. (Опыт церковно-исторического исследования)*, т. 2. Киев, 1898.

¹⁶ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 75—81; подробнее об этом см.: *Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской академии*. М., 1855.

¹⁷ *Знаменский П.* Указ. соч., с. 298—299; *Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии*. СПб., 1857, с. 7—17.

¹⁸ Духовный регламент Всепресветлейшего, державнейшего Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссийского (СПб., 1721). Богословскому образованию посвящены следующие «регулы» 2-й части «Регламента»: «Домы училищные, и в них учителя и ученики, також и церковные проповедники», «О Семинариуме», «О проповедниках слова Божия».

¹⁹ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 105—106; *Чистович И. А. Исправление славянского перевода Библии перед изданием 1751 г.*— Православное обозрение, 1860, ч. I, с. 499—507.

²⁰ *Знаменский П. В. Духовные школы России до реформы 1808 г.* Казань, 1881, с. 53—54; *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 98—101.

²¹ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 81; *Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии*, с. 3.

²² *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 123—125; см. также: Творения святителя Тихона. 5-е изд. СПб., 1889, приложение (записки келейников); *Попов Т. Д.*, свщш. Святитель Тихон Задонский как нравоучитель. Воронеж, 1914.

²³ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 105, 109—111; подробнее об этом см.: *Снегирев И. М.* Жизнь митрополита Московского Платона, т. 2. М., 1856.

²⁴ *Знаменский П.*, проф. Указ. соч., с. 105, 109—111; подробнее об этом см.: Снегирев И. М. Жизнь митрополита Московского Платона, т. 2. М., 1856.

²⁵ *Знаменский П.*, проф. Указ. соч., с. 39—40; *Чистович И.* История С.-Петербургской Духовной Академии, с. 173—178.

²⁶ В начальный период существования СПбДА в ней преподавали следующие профессора иностранцы: *Иоган фон Хорн* (von Horn), доктор богословия и философии, бывш. профессор Гёттингенского университета, в 1810—1814 гг. занимал кафедры философии и древнееврейского языка; *Христиан Фридрих Грефе*, доктор философии Лейпцигской академии, с 1810 г. вел курс греческой словесности, а с 1814 г. — и немецкого языка, в 1819 г. перешел преподавать в С.-Петербургский университет; *Игнатий Фесслер*, профессор из Берлина, в январе — июне 1810 г. читал курсы философии и древнееврейского языка; *Отто Эвальд Смоляно*, доктор права университета в Галле, в 1810—1814 гг. вел курс немецкого языка; аббат *де Бое*, в 1810 г. вел курс французского языка, в 1811 г. назначен прелатом в римско-католическую Могилевскую епархию; *Ле Кок де Вюстен*, преподаватель Коммерческого училища, ряд лет вел курс французского языка в СПбДА. (См.: *Чистович И.* Указ. соч., с. 248—256.)

²⁷ Преподавание богословских дисциплин в первые годы существования СПбДА возлагалось, прежде всего, на ее ректоров. Таким образом, первыми профессорами богословия в ней были: архимандриты *Евграф* (Музалевский-Платонов, † 11 ноября 1809 г.); *Сергей* (Крылов-Платонов) с января 1810 г. по март 1812 г., когда он был возведен во епископа Костромского; *Филарет* (Дроздов), еще с 1810 г., будучи иеромонахом, состоял бакалавром по классу богословских наук и читал курсы библейской истории и церковных древностей, ректор в 1812—1819 гг. (с июля 1817 г. в сане епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии). Кроме того, в 1812—1819 гг. бакалавром по классу богословских наук состоял также архимандрит *Иннокентий* (Смирнов), с 1813 г. бывший также ректором С.-Петербургской Духовной Семинарии († 1819 г. епископом Пензенским), читал курс церковной истории (со II по XVII в.). (См. там же.)

²⁸ *Чистович И.* Указ. соч., с. 441—442. *Григорий* (в миру Георгий Петрович Постников) (1784—1860), ректор СПбДА в 1819—1826 гг., с 1822 в сане епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии. Впоследствии занимал ряд кафедр, в 1848—1856 гг. — архиепископ Казанский, в 1856—1860 гг. — митрополит Новгородский и С.-Петербургский. В 1817 г. удостоен степени доктора богословия за сочинение «*Commentatio de prophetis in genere*». С 1821 г. стал издавать при СПбДА журнал «Христианское чтение», где были напечатаны его лекции по догматическому богословию, ставшие тогда руководством для Духовных Академий (1822 г.). Из других его трудов известны: Слова и беседы на все воскресные и праздничные дни, т. 1—3. СПб., 1850; Истинно древняя и истинно Православная Церковь, ч. 1—2. СПб., 1855; День святой жизни или ответ на вопрос: как мне жить свято? СПб., 1856. Будучи архиепископом Казанским, заботился о развитии миссионерского отделения при местной Духовной Академии и о переводе богослужебных книг на татарский язык. *Кочетов Иоаким Симонович* (1789—1854), протонерей, профессор СПбДА в 1814—1851 гг., с 1841 г. — ординарный академик императорской Академии наук. В СПбДА сначала вел кафедру всеобщей гражданской, а затем библейской и церковной истории. Кроме того, читал богословские дисциплины и логику в Александровском лицее. Им было переработано «Начертание церковной истории» архимандрита Иннокентия (Смирнова), к которому был добавлен раздел по истории Церкви в XVII—XVIII вв. (СПб., 1820). В 1823 г. им был выпущен курс лекций «Черты деятельного учения веры», явившийся первым опытом нравственного богословия на русском языке и доставивший ему степень доктора богословия (выдержал 5 изданий). Его «Начертание христианских обязанностей» (СПб., 1827) (вышло 7 изданий — 1827—1857 гг.) долго служило учебником для духовных и светских учебных заведений. Прот. И. С. Кочетов принял деятельное участие в составлении «Словаря церковно-славянского и русского языка», изданного Академией наук (СПб., 1847, тт. 1—4), причем весь 4-й том этого «Словаря» составлен им единолично. *Павский Герасим Петрович* (1787—1863), протонерей, профессор СПбДА

по кафедре еврейского языка в 1814—1835 гг., с 1819 г.—профессор Петербургского университета, с 1858 г.—ординарный академик императорской Академии наук, выдающийся филолог и гебраист. Вместе с митрополитом Филаретом принимал активное участие в работе Российского библейского общества. Им был осуществлен русский перевод Евангелия от Матфея для издания Общества (СПб., 1818), составлены первая в России «Грамматика еврейского языка» (СПб., 1818) и древнееврейско-русский словарь, оставшийся, однако, неизданным. В течение 20 лет (1815—1835) он занимался переводом с древнееврейского и исследованием масоретского текста учительных и пророческих книг Ветхого Завета (литографированное издание этих переводов доставило ему немало неприятностей и привело к удалению из СПбДА и даже к суду Синода). Из множества работ прот. Г. Павского наиболее известны: Обзорение книги Псалмов. Опыт археологический, филологический и герменевтический. СПб., 1814; Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб., 1841—1842, т. 1—3, 2-е изд., т. 1—4. СПб., 1850. О нем см.: *Протопопов С. В.*, свящ. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876.

²⁹ Проф. прот. Г. В. Флоровский пишет по этому поводу: «Когда Филарет говорит о Писании, как о «единственном и достаточном» источнике вероучения, он имеет в виду не книгу в кожаном переплете, но Слово Божие, живущее в Церкви, оживающее в каждой душе живой, познаваемое и изъясняемое Церковью,— Писание в Предании... Напряженный библеизм Филарета тесно и глубоко был связан с его церковностью. И это был возврат к патристическому стилю и навыкам в богословии» (*Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 178).

³⁰ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 179.

³¹ См., например, одно из известных сочинений Филарета, написанное в период его ректорства в СПбДА — «Разговор между испытующим и уверенным в православии восточной Греко-российской Церкви» (СПб., 1815). Прот. Г. В. Флоровский замечает в связи с этим: «Филарет читал, как все в то время, и Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, Фенелона и Гиона (известные представители так называемого «мистичизма»), и книгу о ясновидящей Преворской... Он умел находить общий язык не только с Голицыным, но и с Лабзиным (А. Ф. Лабзин — известный издатель «мистической» литературы в 1-й четверти XIX в.—А. К.), и даже с проезжавшими квакерами, его интересовали и привлекали все случаи духовной жизни. Но при всем том Филарет оставался церковно твердым и внутренне чуждым этому мистическому возбуждению... Под покровом мистических соблазнов он сумел распознавать живую религиозную потребность, жажду духовного наставления и просвещения. Поэтому и принял он участие в работах Библейского общества с таким увлечением. Его привлекала самая задача, ему казалось, что за библейское дело должны взяться церковные силы,— «да не отыметься хлеб чадом...» В обновляющую силу Слова Божия он твердо верил... С библейским делом, с русской Библией, он неразрывно и самоотверженно связал свою жизнь и свое имя» (*Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 169—171).

³² *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 169; также см. отзывы о Филарете, как о ректоре СПбДА, архимандрита Фотия (Спасского) в его «Автобиографии» (издана В. Жмакиным в «Русской старине», 1894—1895 гг.).

³³ Государственная Публичная библиотека (ГПБ), отд. рукописей, ф. 574 (архив СПбДА).

³⁴ См.: *Глубоковский Н. Н.* Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский. Его жизнь и деятельность. СПб., 1914.

³⁵ Переводы некоторых книг Ветхого Завета, принадлежавшие прот. Герасиму Павскому, были опубликованы в 1862—1863 гг. в журнале «Дух христианина», Библейские переводы архимандрита Макария (Глухарева) печатались в «Православном обозрении» за 1860—1867 гг. особым приложением.

³⁶ *Ловягин Евграф Иванович* (1822—1909) в течение 48 лет (1847—1895) был профессором СПбДА по кафедре греческого языка. Основные его труды: О заслугах св. Афанасия Великого для Церкви в борьбе с арианством. СПб., 1850; Об отношении писателей классических к библейским по воззрениям христианских апологетов. СПб., 1872; Храм св. Софии в Константинополе (в «Духовной беседе» за 1876 г.); Разбор новейших естествоиспытателей о Ноевом потопе (в «Христианском чтении» за 1861 г.). Кроме названных переводов, под редакцией и при участии Е. И. Ловягина вышли: Собрание древних литургий восточных и западных, вып. 1—5. СПб., 1874—1878; 2 тома творений преп. Феодора Студита. СПб., 1867, и несколько томов творений св. Иоанна Златоуста. СПб., 1848—1860. *Голубев Моисей Александрович* (1824—1869), профессор СПбДА по кафедре Священного Писания (1849—1869). Основные его труды: О жилищах евреев. Археологический опыт; О книге св. пророка Наума; О новозаветных событиях, предуказанных в истории пророка Ионы — в

«Христианском чтении» за 1856 г.; Обзорение посланий к Коринфянам, т. I. СПб., 1861. Вместе с Д. А. Хвольсоном М. А. Голубев работал над переводом на русский язык исторических и учительных книг Ветхого Завета. Участвовал в переводе на русский язык Церковной истории Евсевия (СПб., 1855) и творений св. Иоанна Златоуста (СПб., 1848—1860). *Хвольсон Даниил Авраамович* (1819—1911). В 1858—1883 гг. состоял профессором СПбДА по кафедре древнееврейского языка и библейской археологии. Автор множества работ на немецком и русском языках по гебраистике, синологии и библейской археологии (библиографию его работ см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 37. СПб., 1903, с. 135—136). Ему принадлежит перевод на русский язык около двух третей ветхозаветных книг для синодального издания. *Елеонский Федор Герасимович* (1836—1906), в 1870—1900 гг. состоял профессором СПбДА по кафедре библейской истории. Основные его труды: Разбор мнений современной отрицательной критики о времени написания Пятикнижия, вып. I. СПб., 1875; История еврейского народа в Египте от поселения в земле Гесем до египетских казней. СПб., 1884; По поводу 150-летия Елизаветинской Библии. О новом пересмотре славянского перевода Библии. СПб., 1902, и множество статей по библейской истории, опубликованных, главным образом, в «Христианском чтении». *Якимов Иван Степанович* (1847—1885), профессор СПбДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета (1874—1885). В журнале «Христианское чтение» И. С. Якимов заведовал отделом толкований на книги Священного Писания Ветхого Завета. Ему принадлежало толкование на книгу пророка Иереми и 27-ю главу книги пророка Исаии. Главные труды: Неповрежденность книги пророка Иереми. «Христианское чтение» (далее—ХЧ), 1876; Опыты согласования библейских свидетельств с показаниями памятников клинописного письма. ХЧ, 1884; О происхождении притчей Соломоновых. ХЧ, 1887, кн. 1, 2; О происхождении книги Екклесиаст. ХЧ, 1887, кн. 3, 4; О происхождении Песни Песней. ХЧ, 1887, кн. 5, 6; О происхождении книги Премудрости Соломона. ХЧ, 1887, кн. 7, 8; О происхождении книги Премудрости Иисуса сына Сирахова. ХЧ, 1887, кн. 9, 10.

³⁷ *Карпов Василий Николаевич* (1798—1867), ученик прот. И. М. Скворцова по Киевской Духовной Академии, профессор СПбДА в 1833—1867 гг. В 1833—1844 гг. В. Н. Карпов читал курс философии, с 1844 г.— истории философии, а с 1855 г.— также и логики. С 1859 г. он вел курсы логики и истории новейшей философии (после Канта), а с 1865 г.— логики и психологии. Ему принадлежит шеститомный русский перевод сочинений Платона (СПб.—М., 1841—1879). В 1840 г. он выпустил «Введение в философию» (СПб.), где выступил за систему философского синтеза. Наряду со своими современниками — профессорами МДА прот. Ф. А. Голубинским и В. Д. Кудрявцевым — В. Н. Карпов занял видное место среди представителей онтологизма в русской философии. Из других его работ известно «Систематическое изложение логики» (СПб., 1856). Его перу принадлежит множество статей, публиковавшихся в «Христианском чтении», «Страннике» и др. журналах. Подробную библиографию соч. В. Н. Карпова см.: ПБЭ, т. 9. СПб., 1908, с. 31—34.

³⁸ *Карнский Михаил Иванович* (1840—1917), профессор СПбДА по кафедре философии в 1869—1894 гг. Основные его труды: Классификация выводов. СПб., 1880; Об истинах самоочевидных. СПб., 1893. Из других его работ известны: Критический разбор последнего периода германской философии. СПб., 1873, и Бесконечное Анаксемандра. СПб., 1890. Множество его статей печаталось в «Христианском чтении» и «Журнале Министерства народного просвещения». Подробную библиографию соч. М. И. Карнского см.: ПБЭ, т. 8. СПб., 1907, с. 612—621.

³⁹ *Светилин Александр Емельянович* (1842—1887), состоял профессором СПбДА по кафедре логики и психологии в 1867—1885 гг. В библиотеке ЛДА сохранился литографированный экземпляр его лекций по психологии (1883), пользовавшихся в свое время популярностью среди студентов СПбДА (см. об этом: Воспоминания о А. Е. Светилине проф. А. П. Лопухина в «Правосл. обозрении», 1887 г., окт., с. 390—393). Им также был написан известный в свое время учебник логики, выдержавший три издания (1875, 1911 и 1916).

⁴⁰ В 1831—1841 гг. в «Христианском чтении» публиковались русские переводы ряда богослужебных канонов, в том числе на Рождество Христово, на Пасху, Великий канон св. Андрея Критского, на Успение Богородицы, на Великий Четверток и др., подготовленные бакалаврами СПбДА М. И. Богословским и И. Д. Колоколовым; Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. Переведены на русский язык проф. Е. Ловягиным. Кн. 1, 2, 3. СПб., 1855 (2-е изд. 1861, 3-е изд.—1875) (включает каноны на Господские и Богородичные праздники, а также на Четырнадцатницу); Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Ч. 1—3. СПб., 1855—1856. Это издание вклю-

чает в себя русский перевод «Книги о церковной иерархии» Дионисия Ареопагита, «Тайноводство» преп. Максима Исповедника и творения святого Софрония Иерусалимского, св. Германа Константинопольского, Симеона Солунского, Марка Евгеника, Николая Кавасилы и св. Паисия Константинопольского; Творения св. Иоанна Златоуста. СПб., 1848—1860, в 14 частях; в 1848—1853 гг. в Петербурге были изданы подготовленные в СПбДА переводы церковно-исторических сочинений Евсевия Памфила, Сократа Схоластика, Ермия Созомена, Евагрия Схоластика и блж. Феодорита Киррского. Собрание древних литургий восточных и западных, вып. 1—5. СПб., 1874—1878; вып. 1 и 2—литургии иерусалимские и антиохийские (СПб., 1874—1875), вып. 3—литургии александрийские (СПб., 1876), вып. 4—литургии месопотамские и западные греческого типа (СПб., 1877), вып. 5—западно-римские литургии (СПб., 1878).

⁴¹ Флоровский Г., прот. Указ. соч., с. 374.

⁴² Примером этого могут служить работы В. В. Болотова, связанные с вопросом о реформе календаря или проблемой *Filioque* в связи с диалогом со старокатоликами о возможном их воссоединении с Православной Церковью. Благодаря специальным исследованиям Василия Васильевича в 1898 г. Святейший Синод решил вопрос о чиноприеме части сиро-персидских несториан, пожелавших воссоединиться с Православной Церковью. В свою очередь, А. И. Бриллиантов и Н. Н. Глубоковский были активными участниками Предсоборного Присутствия в 1906 г. В своих выступлениях по поводу необходимых преобразований в строе русской церковной жизни они неизменно опирались на исторический опыт Вселенской Церкви.

⁴³ Катанский Александр Львович (1836—1919), профессор СПбДА по кафедре догматического богословия в 1867—1896 гг. Ему принадлежит большое число работ по догматическому богословию, церковной археологии, литургике и церковной истории. Он также был известен как яркий публицист. Библиографию его сочинений см.: ПБЭ, т. 9. СПб., с. 150—155. Интересный исторический материал по истории русской богословской науки о состоянии духовной школы в России во второй половине XIX в. содержит его «Воспоминания старого профессора» (ХЧ, 1916—1917). Наиболее крупными его трудами являются: докторское сочинение «Догматическое учение о семи церковных таинствах» (СПб., 1877), получившее известность в качестве удачного опыта применения исторического подхода к рассмотрению догматических вопросов; и «Учение о благодати Божией в творениях св. отцов и учителей Церкви до блж. Августина. Историко-догматическое исследование». СПб., 1902.

⁴⁴ Сагарза Николай Иванович, профессор СПбДА по кафедре патрологии в 1907—1918 гг. Сохраняют интерес его лекции по патрологии (в библиотеке ЛДА сохранился литографированный экземпляр его «Чтений» за 1911/1912 уч. год). Его перу принадлежит капитальный труд: Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие. Патрологическое исследование. Пг., 1916.

⁴⁵ Бронзов Александр Александрович (1858—1919), профессор СПбДА по кафедре нравственного богословия в 1894—1918 гг. Основные его труды: Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности. СПб., 1884; Жизнь и творения преп. Макария Египетского. СПб., 1899; Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. ХЧ, 1901. А. А. Бронзов принимал участие в переводе на русский язык творений св. Иоанна Златоуста (т. 1—2. СПб., 1895—1906) и преп. Иоанна Дамаскина (т. 1, СПб., 1913). Кроме того, он известен как активный публицист, живо откликавшийся на церковные и общественные вопросы своего времени.

⁴⁶ Покровский Николай Васильевич (1847—1917), профессор СПбДА по кафедре церковной археологии (1874—1917) и директор Археологического института (1898—1917). Автор многих работ по истории христианского искусства и литургике. Наиболее известны его труды: Происхождение древнехристианской базилики. СПб., 1880; Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М., 1890; Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892; Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1894 (2-е изд.—1900; 3-е изд.—1910); Сийский иконописный подлинник, вып. 1—4. СПб., 1896—1898; Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.

Бенешевич Владимир Николаевич (1874—1942), окончил С.-Петербургский университет, занимался также в Гейдельбергском, Лейпцигском и Берлинском университетах. Много времени В. Н. Бенешевич посвятил изучению греческих и славянских рукописей в библиотеках С.-Петербурга, Москвы, Вены, Мюнхена, Парижа, Рима, Венеции, Константинополя, Афона, Кипра и Синая. С 1905 г. состоял профессором по кафедре церковного права юридического факультета С.-Петербургского университета, в 1906—1909 гг.— профессор по кафедре канонического права СПбДА. В 1915—1921 гг. состоял членом Комиссии по научному изданию славянской Библии при

Петербургской Духовной Академии (с 1918 г. при Российской Академии наук). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Член-корреспондент Российской Академии наук (с 1924 г. Академии наук СССР), после революции участвовал в работе Византийской комиссии АН СССР. Основные его труды: Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 833 г. К древнейшей истории источников права Греко-восточной Церкви. СПб., 1905; Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906. В. Н. Бенешевичем подготовлено второе издание «Памятников древнерусского канонического права» в Русской исторической библиотеке, т. 6. Пр., 1916; Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права Греко-восточной Церкви. СПб., 1914. Под редакцией В. Н. Бенешевича вышло также: Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, тт. 1—3. Пр., 1917.

⁴⁷ *Глубоковский Николай Никанорович* (1863—1937), окончил МДА в 1889 г., профессор СПбДА по кафедре Священного Писания Нового Завета в 1891—1918 гг., в 1920—1921 гг. состоял профессором Петроградского богословского института, а в 1923—1937 гг. был профессором Богословского факультета университета им. св. Климента Охридского в Софии (Болгария). Член-корреспондент Российской и Болгарской Академий наук. Автор множества работ по текстологии и экзегетике Нового Завета и церковной истории. Активно выступал в русской и иностранной печати по церковно-общественным и экуменическим вопросам. Его биографический очерк с подробной биографией см.: *Игнатъев А.* Памяти профессора Н. Н. Глубоковского. — *ЖМП*, 1966, № 8, с. 57—77. Наибольшую известность получил капитальный труд Н. Н. Глубоковского «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу», кн. 1—3. СПб., 1905—1907.

⁴⁸ *Аквилонев Евгений Петрович* (1861—1911), профессор СПбДА по кафедре Введения в круг богословских наук в 1890—1910 гг., с 1910 г. — протопресвитер военного и морского духовенства. Наибольшую известность получила его работа «Новозаветное учение о Церкви. Опыт догматико-экзегетического исследования». СПб., 1896; 2-е изд. испр. и доп. СПб., 1904. Первоначальный ее вариант вышел в 1894 г. под названием «Церковь». Научное определение Церкви и апостольское учение о ней как о теле Христовом».

⁴⁹ *Евсеев Иван Евсеевич* (1868—1921), профессор СПбДА по кафедрам гомиластики (1906—1910) и церковнославянского языка и палеографии (1910—1918). Крупнейший русский исследователь славянской Библии, инициатор создания комиссии по ее научному изданию. Основные его труды: Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе, ч. 1, 2. СПб., 1897; Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. СПб., 1905; Очерки по истории славянского перевода Библии. — *ХЧ*, 1914.

Анастасий (в миру Александров Александр Иванович) (1861—1918), епископ Ямбургский, ректор СПбДА в 1913—1918 гг., доктор сравнительного языкознания и церковной истории. Окончил Казанский университет, в котором впоследствии состоял профессором, а в 1905—1911 гг. деканом историко-филологического факультета. С 1911 г. — архимандрит и инспектор Казанской Духовной Академии, а в 1912—1913 гг. — епископ Чистольский и ректор КазДА. Автор многих работ по литовской филологии, сравнительной лингвистике и истории славянских Церквей. В 1915—1918 гг. состоял председателем Комиссии по научному изданию славянской Библии. Наиболее известные его труды: *Sprachliches aus dem Nationaldichter Lituaens Donalitijs. Zur Semasiologie. Derpt, 1886; Lituanische Studien. Derpt, 1888; Наблюдения по патологии речи. Казань, 1888; Детская речь. Казань, 1893; История развития духовной жизни Черной горы и князь-поэт Николай I. Казань, 1895; Служба св. Кириллу, учителю Словенскому, по рукописям русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. — Памятники древнего письма, СПб., 1895.*

⁵⁰ Комиссия по научному изданию славянской Библии (Библейская комиссия) была открыта при Петроградской Духовной Академии 28 января 1915 г. В ее состав вошли крупнейшие русские филологи и историки-слависты того времени (епископ Анастасий — председатель, А. И. Соболевский — товарищ председателя, И. Е. Евсеев — редактор издания, В. Н. Бенешевич, А. В. Михайлов, И. С. Пальмов, Н. Л. Туницкий, А. А. Шахматов), а также ряд специалистов-библистов и церковно-общественных деятелей. Предполагалось, что работа по подготовке научного издания славянской Библии займет не менее 60 лет и потребует труда двух поколений ученых. В 1915—1917 гг. Комиссия провела 8 общих собраний. В 1918—1921 гг. И. Е. Евсеев, бывший фактически душой Комиссии, прилагал усилия к продолжению ее деятельности уже как учреждения Российской Академии наук. Собственно, с его кончиной в 1921 г. Комиссия и прекратила свое существование. Подробнее о Библейской комиссии см.: *Логачев К.* Библейская комиссия и изучение Библии у славян. (По неопубликован-

ным документам Комиссии.) ЖМП, 1974, № 7, с. 76—80. Документы Библейской комиссии опубликованы К. Логачевым в «Богословских трудах», сб. 13 (1. Рукописный материал для научного издания славянской Библии, с. 208—235) и 14 (11. Организация, принципы работы и деятельность Комиссии в 1915—1921 годах, с. 166—256).

⁵¹ См. *Евсеев И. Е.* Собор и Библия. Пг., 1917.

⁵² Ректор СПбДА епископ (с 1905 г. архиепископ Финляндский) *Сергий* (Старгородский) состоял председателем Комиссии Святейшего Синода по старокатолическому и англиканскому вопросу (1902—1909), а В. В. Болотов и А. И. Бриллиантов были ее секретарями (первый в 1892—1900 гг., второй — в 1900—1917 гг.). В связи с работой в Комиссии В. В. Болотов подготовил свои знаменитые тезисы о Filioque (изданы А. И. Бриллиантовым в 1914 г.), в которых с православной точки зрения дал историко-догматический анализ этого западнохристианского учения. В свою очередь, епископом Сергием в связи с участием в Комиссии было написано два экклезиологических этюда, не утративших своей актуальности («Что нас разделяет со старокатоликами?». СПб., 1902; «К вопросу о том, что нас разделяет со старокатоликами». СПб., 1903). А. И. Бриллиантов, будучи многолетним секретарем Комиссии, являлся также автором проектов ряда ее документов. Кроме того, председателями Комиссии состояли также такие видные иерархи, как архиепископ Финляндский (с 1898 г. митрополит С.-Петербургский), Антоний (Вадковский) (1892—1898) и архиепископ Ярославский (впоследствии Патриарх) Тихон (Белавин) (1911—1912).

⁵³ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 470—476. См.: Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902—1903) — в прилож. к журналу «Новый путь», 1903, и отд. изданием — СПб., 1906. Были напечатаны протоколы 20 собраний. Об этом см. также: *Гурий*, еп. Патриарх Сергий как богослов. — В сб.: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947, с. 99—132.

⁵⁴ *Чистович И.* Указ. соч., с. 169—171.

⁵⁵ Последнее было связано с деятельностью обер-прокурора Св. Синода в 1836—1855 гг. графа Н. А. Протасова. Устав 1814 г. подвергался нападкам с его стороны, прежде всего с точки зрения постановки богословского образования в Академии. Результатом этого явилось сокращение ряда учебных программ, особенно по предметам философского цикла. Об этом см.: *Дьяконов К. П.* Духовная школа в царствование Николая I. СПб., 1907; *Ростиславов Д. И.* Петербургская Духовная Академия при графе Протасове. — Вестник Европы, 1883, № 7, 8, 9; *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России, т. 2. СПб., 1910; *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 202—230.

⁵⁶ Проекты преобразования центрального управления духовными училищами, оставшиеся от 1862 г. (Историческая справка). — Церковные ведомости, 1908, № 2; *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 355—356.

⁵⁷ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 356.

⁵⁸ Устав и штаты православных Духовных Академий, высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. СПб., 1869.

⁵⁹ *Флоровский Г.*, прот. Указ. соч., с. 361.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См. *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884—1914). — В сб.: «У Троицы» в Академии (1814—1914). М., 1914, и отд. оттиск. М., 1914, с. 6—8, 18—19.

⁶² В связи с этим можно вспомнить о судьбе многолетнего профессора МДА А. П. Лебедева, вынужденного перейти в 1895 г. в Московский университет из-за того, что его лекции по истории Древней Церкви не отвечали охранительным взглядам обер-прокурора, или же о заслуженном профессоре той же Академии Е. Е. Голубинском, авторе известной «Истории Русской Церкви», празднование 25-летия научно-преподавательской деятельности которого также было запрещено Победоносцевым.

⁶³ Устав православных Духовных Академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. СПб., 1884.

⁶⁴ См. *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч., с. 13—14. Свящ. Г. Петров посвятил этой теме сатирическую повесть «Болотные огни», которая в 1907 г. печаталась в газете «День»; последний протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский († 1935 г. в Софии) не раз касается этой темы в своих воспоминаниях, вышедших в Нью-Йорке в 1955 г.

⁶⁵ Устав православных Духовных Академий, высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. СПб., 1910.

⁶⁶ ГПБ, ф. 574.

⁶⁷ См. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, ч. 1—3, и прибавления. СПб., 1906.

⁶⁸ Примеров поступления в русские Духовные Академии в последней четверти

XIX — начале XX в. лиц не «духовного сословия» достаточно много. Среди церковных деятелей и богословов, пришедших в высшую духовную школу не из Семинарии, можно, в частности, назвать Патриарха Алексия (выпускник МДА 1904 г.), свящ. П. А. Флоренского (выпускник МДА 1908 г.) и ряд др.

⁶⁹ См. отзывы о реформе духовной школы митрополита С.-Петербургского Антония (Отзывы епархиальных архиереев..., ч. 3, с. 94—97), архиепископа Финляндского Сергия (там же, с. 273—274), епископа Тамбовского Иннокентия (там же, с. 302—307), а также брошюру архимандрита Феодора (впоследствии епископа и ректора МДА). Записка о реформе духовно-учебных заведений. Тамбов, 1905 (отд. оттиск из «Тамбовских епархиальных ведомостей»).

⁷⁰ Мнение проф. Н. Н. Глубоковского митрополит С.-Петербургский Антоний включил в свой отзыв о реформе духовной школы (Отзывы епархиальных архиереев..., ч. 3, с. 159—161), см. также: *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы. СПб., 1907, глава «К вопросу о постановке высшего богословского обучения в России»; *Светлов П. Я.*, проф. прот. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906.

⁷¹ См., например, отзывы епископа Волынского Антония (Храповицкого) (Отзывы епархиальных архиереев..., ч. 1, с. 35—39) и архимандрита Сергия (Страгородского) (там же, ч. 3, с. 273—274).

⁷² ГПБ, ф. 102 (архив А. И. Бриллиантова), оп. 1, ед. хр. 16.

⁷³ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Собрание постановлений и определений, вып. 3. М., 1918, с. 21. (Определение об основных началах преобразований и введении в действие новых штатов православных Духовных Академий, 7/20 апреля 1918 г.)

⁷⁴ Проект нормального устава православных Духовных Академий. Пг., 8 мая — 5 июня 1917 г., с. 15—18 (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 16).

⁷⁵ Об этом см.: *Успенский Н. Д.*, заслуженный профессор ЛДА. К истории богословского образования в Ленинграде. ЖМП, 1977, № 4, с. 3—10.

⁷⁶ В их числе был и заслуженный профессор ЛДА Николай Дмитриевич Успенский. ⁷⁷ Об этом говорил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий в своем выступлении на торжественном открытии Ленинградских Духовных Академий и Семинарии 8 октября 1946 г. (ЖМП, 1946, № 10, с. 11).

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Ведерников А. В.*, доц. Жизнь духовной школы.— В сб.: Патриарх Сергий и его духовное наследство, с. 393.

⁸⁰ Там же, с. 397.

⁸¹ Там же, с. 396.

⁸² ЖМП, 1946, № 10, с. 12.

⁸³ Торжественное открытие Ленинградских Духовных Академий и Семинарии. ЖМП, 1946, № 10, с. 15.

⁸⁴ *Богоявленский Иоанн Яковлевич*, с 1947 — епископ Таллинский и Эстонский Исидор (1879—1949), окончил курс СПбДА в 1904 г. С 1905 г. нес пастырское служение в Ямбурге, Кронштадте, Гатчине, а после революции — в Таллине. В 1915 г. за сочинение «Значение иерусалимского храма в ветхозаветной истории еврейского народа» (Пг., 1915) удостоен степени магистра богословия. Живя в Эстонии, сочетал пастырское служение с педагогической и духовно-просветительской деятельностью. Получил известность его труд «Православный символ веры. Религиозно-философские размышления», ч. 1—3. Таллин, 1939.

⁸⁵ См. речь митрополита Ленинградского и Новгородского Григория на торжественном открытии ЛДА и с 8 октября 1946 г. ЖМП, 1946, № 10, с. 11.

⁸⁶ Сокращенный вариант этой речи опубликован в ЖМП, 1977, № 3, с. 10—15.